

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский

[1]

*

Картины из московской жизни

Лица:

Павла Петровна Бальзамина, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзаминов, ее сын, чиновник, 25 лет.

Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова, купчиха, 35 лет.

Капочка (Капитолина), ее дочь, 17 лет.

Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Нил Борисыч Неуеденов, купец, брат Ничкиной, 40 лет.

Юша (Ефим), сын его, 13 лет.

Матрена, кухарка у Бальзаминовых.

Маланья, горничная у Ничкиной.

* * * *

Картина первая

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны ее шкаф, с другой – дверь в кухню; налево комод, на нем туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

Явление первое

Бальзамина (одна, сидит с чулком в руках). Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрена меня завивает!»

Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдет, а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знай-ка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ темный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал. (Подумав). И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос... не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается – из кожи лезет. Кто ж себе враг! Страна-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идет, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче разборчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? (Вздыхает). Глупенький ты мой! А

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастье дает. (Вяжет чулок).

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

Явление второе
Бальзаминов, Бальзаминава и Матрена.

Бальзаминов (держась за голову). Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (в двери; со щипцами). Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрена. А зачем велики отрастил! Ин шел бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то! (Уходит).

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! (Подходит к зеркалу). Ай, ай, ай! Почернело все!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминава. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминава. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирульник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живем? Просто бедствуем.

Бальзаминава. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминава. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг...

Бальзаминава. Все у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминава. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдешь мимо богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживешь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминава. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять – ведь также у меня время-то идет, – зато вдруг...

Бальзаминава. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминава. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзамина. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзамина. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. (Подбегает к окну). Маменька, маменька, поглядите!

Бальзамина. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! (Садится у окна, повеся голову). Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзамина. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил...

Бальзамина. Все-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Бальзамина. Ну, говори, какой?

Бальзаминов (берет стул и садится подле матери). Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет будто я очень хорошо, со вкусом: жилетка будто на мне, маменька, черная, с мелкими золотыми полосками; лошади будто серые, а еду я подле реки...

Бальзамина. Лошади – ложь; река – речи, разговор.

Бальзаминов. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всем-то в новом платье, и прямо в грязь.

Бальзамина. Грязь – это богатство.

Бальзаминов. Да какая грязь-то, маменька! Бррр... И будто я в этом... весь перепачкался. Так я и обер! Во всем-то в новом, вообразите!

Бальзамина. Это... золото. Это тебе к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот насмех один сон сбился! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо – проснешься, хватать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет! Перестану верить снам.

Бальзамина. Как можно не верить.

Бальзаминов. Нет, нет! Один обман...

Бальзамина. А вот подождем. Праздничный сон – до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет, – надобно его совсем из головы выкинуть.

Бальзаминов. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. (Уходит).

Бальзамина. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

Матрена (в дверях). Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бальзамина. Ну, позови!

Матрена уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

Красавина входит.

Явление третье
Красавина и Бальзамина.

Бальзамина. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзамина. Не признаю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету.
Где сын-то?

Бальзамина. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул:
сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо
влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевшна в своем новом
тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал
королевшну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для
памяти.

Бальзамина. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

Явление четвертое
Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой вьюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состареешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов (сконфузившись). Чем тебя дарить-то? (Шарит в карманах). Право... эх...
ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет – суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше
денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе
такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый,
французский.

Бальзаминов. Да уж хорошо, уж что толковать!

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Красавина. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты свое возьмешь, и мне надо свое взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Бальзаминов. Да уж все, уж все, только говори.

Красавина. Аль сказать?

Бальзаминов. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Бальзаминова. Да, Миша.

Красавина. Разве видел что?

Бальзаминов. Видел, видел.

Красавина. Ну, вот тебе и вышло.

Бальзаминов. Да что вышло-то?

Красавина. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Бальзаминов. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопчете об его счастье!

Бальзаминова. Что ты, с ума, что ли, сошел!

Бальзаминов. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться... Поневоле с ума сойдешь.

Бальзаминова. Чаю не хотите ли?

Красавина. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Бальзаминова. Так не прикажете ли водочки?

Красавина. Праздничный день – можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Бальзаминова (достаёт из шкафа водку). Матрена! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрена из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрена из кухни: «Подам! над нами не каплет».

Бальзаминов. Ведь вот удавить Матрену – ведь мало.

Бальзаминова идет в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Бальзаминова. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бальзаминава. Скажите! Какая насмешка!

Красавина. Ничего. Я выпила да еще поблагодарила. От него ведь вреда нет, от ладиколону-то. С праздником! (Пьет и закусывает).

Бальзаминава. Кушайте на здоровье! Как вас звать?

Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут.

Бальзаминов. Чем же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина. Будто не знаешь! Ты ведь заполонил-то, так должен знать.

Бальзаминов. Право, не знаю.

Красавина. Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминуемую, за Говорилихой сейчас: «Выручай, Говорилиха!» – А Говорилихе-то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором.

Бальзаминов. Да от кого?

Красавина. От кого! Тебе все скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует.

Бальзаминов. Так неужто Ничкина?

Красавина (ударив рукой по столу). В самую центру!

Бальзаминов (ухватив себя за голову, вскакивает). О-ох, маменька! (Стоит в оцепенении).

Бальзаминава. Что с ним?

Красавина. От любви. Еще хуже бывает. Любовь – ведь она жестокая для сердец. Нет ее ужасней. За неверность кровь проливают.

Бальзаминов. Ах! (Садится на стул).

Бальзаминава. С чем же они, матушка, вас к нам прислали, с каким предложением?

Красавина. Насчет знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминава. Разумеется.

Бальзаминов. Познакомиться! Боже мой!

Бальзаминава. Как же, матушка, это сделать?

Красавина. А вот пошлите молодца-то уж, после вечерен, будто попроситься в сад погулять, да вечером и приходите, – они вас деликатным манером пригласят чай кушать.

Бальзаминава. Ну, и прекрасно, мы так и сделаем.

Бальзаминов. Маменька, я с ума сойду! Мне уж что-то казаться начинает.

Бальзаминава. Глупенький, глупенький!

Красавина. Любовь действует. Так что ж мне своим-то сказать?

Бальзаминава. Миша что сказать?

Бальзаминов. Скажи, что я умираю от любви; что, может быть, умру к вечеру.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Бальзамина. Ну, что за глупости ты говоришь.

Красавина. Зачем умирать! Надо жить, а мы на вас будем радоваться!

Бальзаминов. Нет, нет, пускай сберут все розы и лилеи и насыплют на гроб мой.

Бальзамина. Эх, Миша, уж не говорил бы ты лучше, не стыдил бы ты меня!.. Так мы придем. А позвольте спросить... конечно, еще все это, как бог даст, а все-таки интересно знать, как насчет приданого?

Красавина. Золотая невеста! У нее своих денег – после отца достались – триста тысяч серебра.

Бальзаминов (вскочив). Охо, хо, хо! (Ходит по комнате).

Красавина. Ишь его схватывает!

Бальзамина. Что это ты, Миша, не умеешь вести себя!.. Уж извините его, – от радости.

Красавина. Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как одевается, две девки насили застегнут. Даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли бог дал. Аккурат пельсик. Ну, прощайте! Вечерком увидимся.

Бальзамина. Прощайте! На дорожку-то. (Наливает).

Красавина. И то выпить; об одной-то хромать будешь. (Пьет и закусывает). Прощай, победитель!

Бальзаминов. Прощай! (Кидается к ней на шею).

Красавина. Рад, рад, уж вижу, что рад; только смотри, под силу ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня уж уехал. (Уходит).

Бальзамина провожает ее до кухни и возвращается.

Явление пятое

Бальзаминов, Бальзамина и потом Матрена.

Бальзаминов. Где мой крандаш, где мой крандаш?

Бальзамина. На что тебе крандаш?

Бальзаминов. Надо, маменька. Матрена! Матрена!

Матрена входит.

Где мой крандаш?

Матрена. А я почем знаю. Какой же ты писарь после этого, когда крандаш потерял.

Бальзаминов. Писарь! писарь!

Матрена. Ведь крандаш у тебя все равно что у солдата ружье. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрена. Ты барин? непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрена. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь.

Бальзаминов. Ну, да что с тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена. Где понимать! А еще жених, жениться хочет, а сам крандаш потерял.
Бесстыдник!

Бальзаминов (шарит в боковом кармане). Вот он, нашел.

Бальзаминава. Ну, что ж будет?

Бальзаминов. А вот сейчас. (Берет с комода бумажку и садится у стола). Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей в год, мы их и проживаем; а как будет триста тысяч (пишет триста тысяч), так если по тысяче в год... все-таки мне на триста лет хватит.

Матрена (всплеснув руками). Батюшки!

Бальзаминава. Неужли ж ты триста лет хочешь прожить!..

Бальзаминов. Ну, позвольте! Если по две в год (пишет), все на полтора ста лет хватит.

Бальзаминава. Ты рехнулся совсем.

Бальзаминов. Что ж, маменька, при хорошей-то жизни, может быть и проживешь.

Матрена. Как не прожить!

Бальзаминов. Ах, я о процентах-то и забыл. Сколько, маменька, процентов с трехсот тысяч?

Бальзаминава. Да, чай, тысяч двенадцать.

Бальзаминов. Кажется, маменька, с чем-то двенадцать тысяч.

Матрена. С денежкой.

Бальзаминов. С какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена. Что считать-то, чего нет. Смотреть-то скучно. Ты вот сочти лучше: девять веников, по денежке веник, много ли денег? И того не счесть. (Уходит).

Бальзаминов (встает). Пойду погулять, пусть немного ветром обдует; а то уж очень много мыслей в голове об жизни.

Бальзаминава. Ты бы пока слова-то подбирал, какие уж говорить с невестой.

Бальзаминов. А вот я во время прогулки и буду слова подбирать.

Бальзаминава. А я платье приготовлю, надо уж одеться хорошенько.

Уходят.

Картина вторая

В доме купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

Явление первое

Ничкина в широкой блузе, Капочка тоже и Маланья входят.

Ничкина. Как жарко! А пообедаешь, так еще пуще разморит... так разморит... разморин такой нападет, не глядела б ни на что! (Садится на диван).

Капочка. Давай, Малаша, споем.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Ничкина. Ну вас, и так жарко.

Капочка. Мы, маменька, потихоньку. (Садится за рояль).

Капочка и Малаша запевают: «Вот на пути село большое». Немного погодя Ничкина пристает к ним.

Ничкина (перестав петь). Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка. Что это, маменька, как вы капризны! Вдруг на меня нашла фантазия петь, а вы не даете.

Ничкина. Да жарко, Капочка.

Капочка. В другой раз сами будете просить, а у меня фантазии не будет. Кто ж виноват, что вам жарко. Это даже довольно странно с вашей стороны!

Ничкина. Ну, уж ты!

Капочка. Чем же мне развлекаться прикажете? Кавалеров у нас не бывает. Только и делаем, что по целым дням с Малашей в окно глядим. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина. Делай что хочешь, только не тревожь ты меня.

Устинька входит в шляпке.

Явление второе

Те же и Устинька. Устинька немного картавит. (Примеч. авт.).

Устинька. Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина. Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворе?

Устинька. Жарко.

Ничкина. Что это за наказание!

Устинька. Здравствуй, Капочка! (Снимает шляпку). Сейчас видела твой предмет, ходит по набережной в забвении чувств.

Капочка. Ах! Одно сердце страдает, а другое не знает.

Устинька. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали к нему Гавриловну?

Ничкина. Да... вот... баловница я. И не надо б мне вас слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалит за это! Всякий умный человек заругает. Да вот пристала, ну я по слабости и послушалась. Кто его знает, какой он там! Придет в дом... как жених... страм.

Устинька. Над сердцем нельзя шутить.

Маланья. В сердце-то замирание бывает, сударыня.

Ничкина. Какое сердце! Так, с жиру... Знаем мы это сердце-то... сама была в девках... Другая б строгая мать-то пришила б хвост-то тебе, да сама б нашла жениха-то хорошего, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька. Нынче уж тиранство-то не в моде.

Ничкина. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и рассудку-то не хватает... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... так уж и махнула рукой – что хочет, то и делает.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Устинька. Самые нынешние понятия.

Капочка. А в чахотку-то, маменька, разве не приходят от родителей?

Устинька. Разве есть законы для чувств?

Капочка. Разве не бегают из дому-то в слуховое окно?

Устинька. Или в форточку.

Маланья. А то и в подворотню, барышня.

Ничкина. Так-то так... да уж и воли-то вам большой дать нельзя... с вами стыда-то и не оберешься... на все Замоскворечье...

Устинька. Однако какой сюжет вы об нас имеете! Мы, кажется, себя ничем не доказали с такой стороны.

Капочка. Уж маменька скажет словечко – одолжит. Вот этак при людях отпечатает, ведь осрамит, куда деться от стыда! Подумают, что мы и в самом деле такие.

Ничкина. Разве нет баловниц-то? Неправду, что ль, я говорю?

Устинька. Хотя и есть, но все-таки это до нас не относится.

Капочка. Все больше от родителей, потому что запирают.

Ничкина. Нельзя и не запирать-то... вас...

Устинька. Напрасно так полагаете. Одно суеверие.

Капочка. Никакого толку-то нет от запиранья.

Ничкина. Все-таки спишь спокойнее... не думается... не то, что на свободе.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы смеетесь-то? Известно, присмотр лучше... Без присмотра нельзя.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы?

Капочка. Своему смеху.

Ничкина. Что вы меня насмех, что ли, подымаете? Не глупей я вас... Батюшки, жарко! (Маланье). Ты чему, дура?

Маланья. Я на барышень глядя.

Устинька. Да как же не смеяться? Разве можно за девушкой усмотреть! Что вы говорите-то!

Капочка. Хоть тысяча глаз гляди, все равно.

Ничкина. Есть чем хвалиться! Куда как хорошо!

Устинька. Мы и не хвалимся и совсем это не про себя говорим; напрасно вы так понимаете об нас. Мы вообще говорим про девушек, что довольно смешно их запирают, потому что можно найти тысячу средств... и кто ж их не знает. А об нас и разговору нет. Кто может подумать даже! Мы с Капочкой очень себя знаем и совсем не тех правил. Кажется, держим себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина. Случаю-то вам нет...

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Устинька. Ах, боже мой! Разве можно так обижать девушек!

Капочка. Да ведь маменька судит по-старому, как в ее время было.

Ничкина. Да разве давно это время было-то!

Устинька. Нынче уж девушки стали гораздо благороднее во всех направлениях.

Капочка. Уж я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости в жизни, не могла угодить вам?

Ничкина. Ах, отстаньте от меня, и без вас тошно! Куда деться-то от жару? Батюшки!

Маланья. Шли бы, сударыня, на погребницу.

Ничкина. И то на погребницу.

Входит Красавина.

Явление третье
Те же и Красавина.

Красавина. Здравствуйте! Все справила и ответ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка. Какой же ответ?

Красавина. Загорелось! И подождешь, не велика важность. (Ничкиной). Коли жарко, ты бы пивца велела подать с леднику: говорят, прохлаждает.

Ничкина. Все говорят – прохлаждает... ничего не прохлаждает.

Красавина. А то чайку...

Ничкина. Ничего не прохлаждает... Поди, Маланья, поставь самовар.

Маланья уходит.

Устинька. Но, однако, скажите, вы должны же дать ответ об том, зачем вас посылали.

Красавина. А мой ответ будет короткий. По щучьему веленью, по моему прошенью, извольте снаряжаться, – к вечеру гости будут.

Ничкина. Ты чего лишнего не сболтнула ли?

Красавина. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйста в наш сад вечером погулять, вишенья, орешенья щипать. Он так обрадовался, ровно лунатик какой сделался.

Капочка. Ах, я боюсь.

Устинька. Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка. Я всегда боюсь мужчин, особенно в кого влюблена.

Красавина. Что его бояться-то, не укусит.

Капочка. Уж лучше б они прямо говорили; а то заведут такие разговоры, издалека, не знаешь, что отвечать.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Красавина. Как можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Известно, для прилику нужно сначала об чем-нибудь об другом поговорить.

Капочка. Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ах, Устинька, я ужасно как боюсь. Ну, сконфузишься? Я никак не могу воздержаться своих чувств... Вдруг могу сделать что-нибудь... могу все чувства потерять...

Устинька. Не бойся, я буду с тобой. Я уж тебя не выдам.

Говорят шепотом.

Ничкина. Нового нет ли чего?

Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Ничкина. Как страшно!

Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведет.

Ничкина. Откуда же он, белый арап?

Красавина. Из Белой Арапии.

Ничкина. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые!

Красавина. Да говорят еще, какая-то комета ли, планида ли идет; так ученые в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет.

Ничкина. Разве можно знать божью планиду! У всякого человека есть своя планида... Батюшки, как жарко! Разделась бы, да нельзя – праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад войдешь – соседи в забор глядят.

Красавина. А ставни закрыть.

Маланья входит.

Маланья. Братец приехал.

Ничкина. Батюшки! В такой жар...

Капочка. Как бы, маменька, он у нас дела не расстроил! Дяденька такой необразованный!

Устинька. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал!

Ничкина. Не из степи, а из Коломны.

Устинька. Все равно, одно образование, один вкус.

Капочка. Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина. Разве с ним сговоришь!

Капочка. Вот наказанье-то!

Устинька. Нет, вообрази, что может Бальзаминов подумать о вас, видя такое невежество!

Ничкина (Маланье). Поди проводи его прямо в столовую. Да обедать подать, – чай,

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru с дороги-то есть захочет. Пойти принять его.

Ничкина, Маланья и Красавина уходят.

Явление четвертое
Капочка и Устинька.

Капочка. Вот принесло вовремя! Теперь все в доме на русский манер пойдет. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

Устинька. Зачем такие жестокие слова говорить!

Капочка. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее к любви.

Устинька. Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужась как люблю открытия в любви от своих подруг.

Капочка. Ах! одна минута – и навек все кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня с такой душой в глазах, даже уму непостижимо! А потом взял опустил глаза довольно гордо. Я вдруг почувствовала, но никакого виду не подала. Он пошел за нами до дому и раза три прошел мимо окон. Голубой цвет так идет к нему, что я уж и не знаю, что со мной было!

Устинька. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

Капочка. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный.

Устинька. И часто ходит?

Капочка. Ах, Устинька, каждый день. Ах!.. Разве уж очень грязно...

Устинька. Это значит, он просто сгорает... И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

Капочка. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

Устинька. Однако все-таки нужно себя удерживать немного.

Капочка. Ах! Сверх сил моих.

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.

Явление пятое
Капочка, Устинька, Ничкина, Неуеденов и Юша.

Капочка. Здравствуйте, дяденька! (Подходит и целует дядю).

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. (Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устинькой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит потупя глаза).

Неуеденов. Как живешь, Капочка? (Садится).

Капочка. Слава богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Неуеденов. Весело ли?

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Капочка. Ничего, весело-с.

Неуеденов. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

Устинька. Какой разговор!

Неуеденов. А что ж разговор! Чем, барышня, нехорош?

Устинька. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Неуеденов. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. (Ничкиной). Чья такая?

Ничкина. Подруга Капочки.

Неуеденов. Из благородных, что ль?

Ничкина. Нет, из купеческих.

Неуеденов. Ну, так невелика птица... А ведь и то, сестра, жарко.

Ничкина. И то, братец, жарко.

Неуеденов. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. (Снимает кафтан). Снеси его к нам в комнату.

Юша берет и уходит.

Устинька. Какое необразование!

Неуеденов. Ничего-с! Не взыщут!

Ничкина. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Неуеденов. Нет. Я б теперь орешков пощелкал. А потом можно и соснуть.

Ничкина. Маланья!

Входят Маланья и Юша.

Принеси поди братцу орехов.

Неуеденов. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Юша уходит.

Капочка. Зачем вам, дяденька, камень?

Неуеденов. Что ты испугалась? Небось! я орехи...

Устинька. Боже мой!

Входит Маланья с орехами.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Ничкина. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Неуеденов. Поставь на окно. (Подходит к окну, открывает и садится против него).

Маланья ставит орехи на окно, Юша входит с камнем.

Подай сюда!

Юша подает.

Здесь–то лучше продувает. (Кладет на окно по ореху и по два и разбивает их камнем).

Капочка. Дяденька, что это вы с камнем–то у окна сидите! Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдет.

Неуеденов (продолжая колотить орехи). Какого жениха?

Ничкина. Да... вот... такая жара, а мы сватовство затеяли... какая теперь свадьба... в такой жар...

Неуеденов. А вот дай срок, я посмотрю, что за жених.

Капочка (берет дядю за плечи). Дяденька, право, испугаете!

Неуеденов. Поди прочь! (Продолжает стучать).

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презрением на дядю.

Капочка. Какой страм!

Устинька. Какое невежество!

Картина третья

Сад: направо сарай с голубятней и калитка; прямо забор и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посередине сцены, в кустах, стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка.

Явление первое

Капочка, Устинька и Юша входят.

Капочка. Ох! Ох! Я умру!

Устинька. Что ты так вздыхаешь! Смотри, что–нибудь лопнет.

Капочка. Ох! Он сейчас придет.

Устинька. Разумеется, придет. Его маменька пошла к твоей, а он сюда придет.

Капочка. Ох!

Юша. Что, это голубятня у вас?

Капочка. Ох! голубятня.

Юша. Так первым долгом слазить надоть, проминовать нельзя. (Уходит).

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Устинька. Ну, и прекрасно; а то он только мешает.

Бальзаминов входит в калитку.

Капочка. Ах, идет!

Гуляют, обнявшись, по авансцене, как будто не замечая его.

Явление второе
Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов (несколько времени ходит молча, потом встречается будто нечаянно с Капочкой и Устинькой). Здравствуйте-с. (Кланяется).

Капочка и Устинька кланяются и идут дальше. Бальзаминов за ними.

Какой приятный запах у вас в саду.

Устинька. Да-с.

Бальзаминов. Продаете яблоки или сами кушаете?

Капочка. Сами-с.

Юша показывается на голубятне.

Бальзаминов. Я когда-нибудь ночью приду к вам в сад яблоки воровать.

Капочка. Ах!

Устинька. У них собаки злые.

Бальзаминов. Как прикажете понимать ваши слова?

Устинька. Слова эти совсем не до вас касаются, а до воров; вы и так всегда можете здесь гулять, вам всегда будут рады.

Капочка. Да-с.

Бальзаминов. Покорнейше вас благодарю за ваше приглашение.

Устинька. Здесь в окружности ужась как мало хороших кавалеров для знакомства с барышнями.

Капочка. И всего только двое: Толкачев да Кирпичев.

Устинька. Какие же это кавалеры? Разве хорошая девушка может иметь с ними знакомство или любовь. Себя страмить! Один – антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой – антиресан, знакомится с дамами из антиресу. Вы лучше всех.

Капочка. Да-с.

Устинька. Вот вам от нас привелегия!

Бальзаминов. Я даже не знаю, как вас благодарить за все ваши снисхождения!

Капочка садится на скамейку с правой стороны. Устинька стоит подле нее.
Бальзаминов поодаль.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Капочка (Устиньке тихо). Что он говорит? Уж лучше б прямо.

Устинька (тихо). А вот погоди, я ему сейчас скажу.

Капочка (тихо). Ах, не говори.

Устинька. Нельзя же! (Подходит к Бальзаминову и отводит его в сторону). Капочка просила вам сказать, чтобы вы были с ней посмелее, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто. А я пойду постерегу: как войдет кто, я дам вам знать. Что же вы стоите! Ступайте к ней скорей.

Бальзаминов (откашливается). Гм... Гм... Сейчас. (Стоит).

Устинька. Сейчас, а сами ни с места. (Толкает его). Ступайте скорей, а то помешают.

Бальзаминов. Гм... Гм... (Громко). Гм... Сейчас.

Устинька. Это даже неучтиво с вашей стороны – заставлять себя дожидаться.

Бальзаминов. Сейчас-с! (Медленно идет к Капочке).

Устинька становится у калитки.

Капочка (Бальзаминову). Садитесь!

Бальзаминов садится довольно далеко от Капочки, смотрит в землю и изредка откашливается.

Капочка смотрит на забор. Юша наблюдает за ними с голубятни. Довольно долгое молчание.

Бальзаминов. Что вам лучше нравится, зима или лето?

Капочка. Лето лучше-с. Летом можно гулять.

Бальзаминов. А зимой кататься.

Капочка. Летом всякие цветы расцветают.

Бальзаминов. А зимой очень весело на святках и на масленице.

Капочка. А летом весело в семик-с.

Бальзаминов. Вы на масленице с которого дня начинаете кушать блины?

Капочка. Со вторника-с... А летом всякие ягоды поспевают.

Молчание. Бальзаминов тянется к Капочке, она к нему, целуются и потупляют глаза в землю.

Юша (на голубятне). Раз!

Устинька (грозит ему). Молчи!

Молчание.

Капочка. Какие ягоды вы больше любите?

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Бальзаминов. А вы какие?

Капочка. Клубнику со сливками.

Бальзаминов. А я крыжовник.

Капочка. Вы шутите! Как можно крыжовник... он колется.

Бальзаминов. Я этого не боюсь-с. А вы разве боитесь-с?

Капочка. Ах! Что вы говорите? Я вас не понимаю.

Капочка начинает склоняться в сторону Бальзаминова, Бальзаминов в ее сторону; целуются и опять опускают глаза в землю.

Юша (с голубятни). Два!

Устинька (Юше). Молчи, говорю я тебе.

Капочка. А вообще, что вы больше всего любите?

Бальзаминов. Вас-с. А вы?

Капочка. Можете сами догадаться.

Целуются.

Юша. Три! (Бежит с голубятни).

Устинька (подходит к Бальзаминуву). Подите за беседку. Когда можно будет, я вас позову.

Бальзаминов уходит за беседку.

Капочка. Ах, какой милый!

Устинька. Юша все с голубятни видел.

Капочка. Ах, он дяденьке скажет!

Устинька. Погоди, мы его уговорим.

Юша входит.

Капочка. Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видел.

Устинька. Это нужды нет – целоваться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцелую. (Целует Юшу).

Капочка. И я. (Целует).

Устинька. И еще поцелуем. (Целует его с жаром).

Юша. Да не надо! (Отсторонивает их руками). Что пристали! Закричу! Ай! Ну вас! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караул!

Устинька. Нет, уж я тебя не пущу на голубятню. Пойдем со мной в беседку.

Юша. Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Устинька берет его за руку и ведет в беседку.

Устинька (подходя к беседке). Выходите! Теперь можно.

Бальзаминов выходит из-за беседки.

Капочка. Ах, не подходите ко мне близко!

Бальзаминов. За что такие немилости-с?

Капочка. Мужчинам доверять никак нельзя.

Бальзаминов. Но я могу себя ограничить-с.

Капочка. Все так говорят; но на деле выходит совсем противное. Я мужчин не виню, для них все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности к любви. Ах! я вас боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминов. Какие жестокости для моего сердца!

Капочка. Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминов. Умерла моя надежда и скончалась любовь!

Капочка. Ах, для чего только мы рождены с такою слабостью! Мужчина все может над нами... ах!

Бальзаминов. Как же я могу без вашего расположения-с? (Садится возле Капочки).

Капочка. Ах! Что вы со мной сделали!

Бальзаминов. Извините, я был вне себя-с.

Капочка. Что может противиться любви! (Приклоняется к Бальзаминову. Целуются).
Навеки!

Устинька и Юша выходят из беседки.

Устинька. Идут, идут.

Капочка подходит к Устиньке. В калитку входят Ничкина, Бальзаминова и Маланья с чайным прибором, который ставит на стол.

Явление третье

Бальзаминов, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина (Маланье). А самовар принесешь, когда братец встанет.

Маланья уходит.

(Бальзаминовой). Сядемте... жарко. (Садятся у стола. Бальзаминову). Садитесь с нами... побеседуемте!

Бальзаминов садится. Барышни и Юша тоже садятся возле стола.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru (Капочке). Ишь, как тебя стянули... в такой жар.

Устинька. Оставьте, вы конфузите.

Ничкина. Вы читаете газеты?

Бальзаминов. Читаю-с.

Бальзаминова. Он мне всякие новости рассказывает.

Ничкина. А мы не читаем... ничего не знаем... что там делается. Вот я у вас хотела спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.

Бальзаминов. Где же ему теперь-с! Он еще внове, не успел еще у себя устроиться. Пишут, что все дворцы да комнаты отделяют.

Ничкина. А как отделает, так, чай, пойдет на Москву-то с двенадцать языков?

Бальзаминов. Не знаю-с. В газетах как-то глухо про это пишут-с.

Ничкина. Да вот еще, скажите вы мне: говорят, царь фараон стал по ночам с войском из моря выходить.

Бальзаминов. Очень может быть-с.

Ничкина. А где это море?

Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминов. Большая-с.

Ничкина. Далеко от Царьграда?

Бальзаминов. Не очень далеко-с.

Ничкина. Должно быть, шестьдесят верст... Ото всех от таких мест шестьдесят верст, говорят... только Киев дальше.

Юша. Царьград, тетенька, это – пуп земли?

Ничкина. Да, миленький. (Пристально оглядывает Бальзаминова).

Бальзаминов (жметя). Что вы так на меня смотрите?

Ничкина. Узко как платье-то на вас сшито.

Бальзаминов. Это по моде-с.

Бальзаминова. Он у меня всегда по моде одевается.

Ничкина. Какая уж мода в такую жару?.. Чай, вам жарко... ну, а по улице-то ходить в таком платье, просто угореть можно.

Бальзаминов. Ничего-с. Покорно вас благодарю за внимание!

Молчание.

Ничкина. Двужильные лошади, говорят, бывают... и не устают никогда, и не надорвутся.

Устинька. Что за разговор об лошадях!

Ничкина. Так об чем же говорить-то?.. Ну, скажи, коли ты умна.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Устинька. Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда как приятно! Вот два самые благородные разговора – один: что лучше – мужчина или женщина?

Ничкина. Ну, уж нашла сравнение! Уж что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человек!

Устинька. Ах нет, зачем же! Пускай мужчины защищают свое звание, а женщины свое; вот и пойдет разговор. А другой разговор еще антиреспектней. Что тяжелее: ждать и не дожидаться или иметь и потерять?

Бальзаминава. Это самый приятный для общества разговор.

Ничкина. Уж этого я ни в жизнь не пойму.

Капочка. Что вы, маменька! Не страмите себя.

Входят Неуеденов и Маланья с самоваром, ставит его на стол и уходит.

Явление четвертое
Те же и Неуеденов.

Сидят в следующем порядке: справа, ближе к зрителям, на стуле Неуеденов; с правой стороны стола Ничкина и Бальзаминава; за столом Юша; слева, у стола, Капочка и Устинька; слева, ближе к зрителям, на стуле Бальзаминов. (Примеч. авт.).

Неуеденов. Соснул малым делом.

Ничкина. Братец, садитесь! Вот наши новые знакомые!

Неуеденов (кланяется Бальзаминовой). Здравствуйте!

Бальзаминава кланяется.

Здравствуйте, милостивый государь! (Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подает свою). Служить изволите? (Садится).

Бальзаминов. Служу-с.

Неуеденов. Хорошее дело-с. Всякому свое-с: купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся.

Ничкина. Не угодно ли, господа, чайку?

Маланья подает на подносе.

Неуеденов. Я с вами буду, сударь, про наше дело купеческое говорить. Вот у меня сестра – она женщина богатая, а ведь глупая – с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле – деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминава. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вкусом-с, просто должен страдать. Хочется жить прилично, а способов никаких нет-с. Вот хоть бы я...

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминава. А коли человек не имеет способностей ни к службе, ни к чему, коли бог не дал, чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах все представляется богатство и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Неуеденов. А по-моему – такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Бальзаминава. Куда ж их девать-то?

Неуеденов. В черную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Бальзаминава. Этак будет на свете жить нельзя.

Устинька. Не у всех такие понятия.

Неуеденов. Какой, сударь, чин носите на себе?

Бальзаминов. Первый-с.

Неуеденов. Ну, вам до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своим трудам получаете?

Бальзаминов. Сто двадцать рублей-с.

Неуеденов. Это, по-нашему, значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски – ёк, а по-русски – нет ничего.

Ничкина. Маланья, прими чашки, я налью еще.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Неуеденов. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина. Ну, уж... ты, братец... ну, право! С тобой не сговоришь... право, ну!

Неуеденов. Что ты нукаешь-то? – не запрягла еще... Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж все дело брось.

Бальзаминава. У них такое состояние, что век и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Неуеденов. Да ведь деньги-то ее муж наживал не для того. чтоб она их мотала да проживала с разными прожектёрами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал, сударыня, важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

Устинька. Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствия.

Неуеденов. А разве мы не проживаем! Да проживать-то надобно с толком. Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаясь. Подвернется ей фертик во фрячке с пуговками или какой с эплетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст – нужды нет, а вот денег-то жалко...

Ничкина. Да, братец, точно жалко.

Капочка. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Устинька. Сказали, да и на попятный.

Неуеденов. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повилает хвостом, видит: не тяга – умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям, – не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Ничкина (тихо). Перестаньте, братец.. поймут.

Неуеденов. Ничего, я обиняком. А по-моему, так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдут да на важность глупую. Нос-то подымет, станет издеваться да величаться над своим братом, который гроши-то трудом достает, в поте лица. Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам, – так, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Боже мой! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены. Как вы об этом думаете, сударь мой?

Бальзаминов. Не все же в таких направлениях, как вы говорите.

Неуеденов. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому гроша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат – я этого сестре не советую. Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, все на пользу. А вот щелкопёры-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки ассигнациями, а он успеет оходить дуру какую, так еще форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

Соболий салоп атласный,
Воротник суконный красный!
Устинька и Капочка (Юше). Молчи!

Неуеденов (Юше). Юшка, молчи! Наши-то бабы сдуру батистовых рубашек ему нашьют, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему – не совестно! Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали.

Капочка. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что вы совсем необразованны.

Неуеденов. Именно, мой друг, необразованны. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даем, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть век не видать.

Бальзаминова (встает). После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Неуеденов. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Бальзаминов. Я этих слов, маменька, на свой счет не принимаю.

Неуеденов. Нет, я на ваш счет. Вот маменька-то ваша поумнее – сейчас поняла.

Бальзаминов. Я за большим, пожалуй, не погонюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Неуеденов. Ведь у тебя ни гроша нет, так тебе все барыш, что ни дай.

Бальзаминов. В таком случае, прощайте-с. (Кланяется всем). Я не ожидал-с.

Бальзаминова. Благодарим за угощенье.

Ничкина. Не на чем-с.

Неуеденов. Ходите почаще, без вас веселей.

Праздничный сон – до обеда. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бальзаминов и Бальзаминова подходят к калитке. Юша за ними.

Бальзаминова. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон – до обеда.

Бальзаминов. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Юша (в калитку). Заходите! Нам без дураков скучно.

Неуеденов. Юшка, молчи!

Капочка. Ох, я умру!

Устинька (тихо). Сделайся как без чувств.

Капочка. Ах! (Падает на скамейку).

Ничкина. Батюшки! Что это с ней?

Неуеденов. Ничего, пройдет. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.

Капочка (встает). Нет уж, извините, я этого не позволю.

Неуеденов. Ожила! Эх, сестра! как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! Такой товар (показывая на Капочку), да еще с деньгами, за стрекулиста было отдала. А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, здорового, свежего, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.

Ничкина. Посватайте, братец.

Неуеденов. Посватать, Капочка?

Капочка. Он с бородой?

Неуеденов. С маленькой.

Капочка. Да ведь она вырастет.

Неуеденов. Эка глупая! Пока она вырастет, так уж ты привыкнешь... А какой красавец-то! Посватать, что ли?

Капочка (потупившись). Посватайте.

Неуеденов. Так-то лучше. Вот и по рукам.

* * * * *

Примечания

1 По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда (Примечание авт.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!